

Она вернулась на свою мансарду и достала из ящика стола маленькую стеклянную пробирку — ту самую, что купила в одной из лондонских лавок измерительных приборов. Внутри лежало несколько темно-фиолетовых кристаллов. Поставив пробирку на стол, она отыскивала маленькое медное блюдечко и зажгла свечу.

Она не знала, как называются эти кристаллы. Продавец утверждал, что их получают из морских водорослей и во Франции ими лечат болезни. Но она купила их вовсе не для лечения.

Она положила на стол листок бумаги, снятый с подоконника — тот самый, на котором отпечаталась половина отпечатка пальца, — и снова взгляделась в него при свете свечи. Узоры всё еще были видны, но донельзя бледно, почти неуловимо. Она долго всматривалась в эти извивающиеся линии. Затем высыпала кристаллы из пробирки в медное блюдечко и поднесла его к пламени свечи.

Поднялся фиолетовый пар.

Затаив дыхание, она поднесла бумагу прямо над струей пара. Фиолетовая дымка словно ожила: она медленно поползла по поверхности бумаги, проникая в невидимые глазу бороздки. Прошла секунда. Две. Франсис убрала лист и поднесла его к свету свечи.

Линии проступили со всей четкостью — буровато-фиолетовые, кольцо за кольцом, точно годовые кольца дерева или рябь на воде. Было видно каждое разветвление, каждый обрыв, каждый крошечный изгиб. Она долго смотрела на этот лист, не отрывая глаз. Потом положила его на стол и стала ждать, пока он полностью остынет.

Из другого ящика она достала еще один флакончик, наполненный белым порошком — крахмалом. Высыпав его в миску с теплой водой и размешав, она добилась того, что вода помутнела, став похожей на разбавленное молоко. Она аккуратно опустила в этот раствор бумагу с проявившимся узором, боясь потревожить и смыть фиолетовые следы.

Бумажка немного полежала в воде. Вытащив ее, она разложила ее на столе для просушки. Буровато-фиолетовые линии постепенно меняли цвет на синий. Глубокий, густой синий оттенок — казалось, на бумаге застыла сама ночная мгла.

Она молча смотрела на эти синие линии. Затем достала другой лист — тот, что был снят с дверной ручки, к которой прикасался дворецкий. Тот же способ, тот же фиолетовый пар, та же крахмальная вода. Два отпечатка легли рядом на стол, отчетливо видные в свете свечи. Эти узоры, эти спирали, эти концентрические линии — они были абсолютно одинаковы.

В ту ночь миссис Грей пришла снова. Франсис протянула ей оба листа. Миссис Грей долго вглядывалась в них, но ничего не поняла.

— Это... что?

— Отпечаток пальца на подоконнике. И тот, что дворецкий оставил на дверной ручке, — голос Франсис звучал ровно. — Они совершенно одинаковы.

У миссис Грей задрожали руки. Франсис забрала оба листа и убрала их в ящик стола. Она не стала говорить миссис Грей, откуда взялась эта синева и где она научилась подобному фокусу. Она лишь произнесла:

— Завтра найдите какой-нибудь повод и отправьте ко мне дворецкого.

На следующий день после полудня дворецкий стоял на пороге мансарды Франсис. Его руки были сложены на груди, глаза опущены, всем своим видом он выражал почтительность. Франсис посмотрела на него, не спеша заводить разговор. Подойдя к окну, она подняла маленькое медное блюдечко и еще раз взглянула на него. Кристаллов на дне стало меньше, а фиолетовый пар давно рассеялся. Оставив блюдечко на месте, она повернулась к нему.

— Покажите мне вашу руку.

Дворецкий на мгновение растерялся, но послушно протянул руку. На тыльной стороне правой кисти виднелась свежая царапина, тянувшаяся от самого межпальцевого промежутка до запястья.

— Поставили, когда кололи дрова? — спросила Франсис.

— Да, барышня.

Франсис промолчала. Повернувшись к столу, она достала те два листка бумаги и положила их рядом. Взгляд дворецкого упал на синие узоры, и его брови едва заметно дрогнули.

Франсис смотрела на него ровным, спокойным голосом:

— Такие узоры есть только у одного человека на всем белом свете.

Дворецкий стоял неподвижно. Он опустил голову, глядя на собственную руку, на те самые узоры, на которые смотрел больше полувека и которых никогда в жизни не замечал. Линии точно повторяли те, что отпечатались на бумаге — расположение развилок, крутизна изгибов, количество колец, всё совпадало до мельчайшей черточки. Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но не смог выдать ни звука.

— В ту ночь вы не спали, — голос Франсис звучал тихо, но каждое слово звучало отчетливо и звонко. — Вы ждали его у окна в пустой гостевой комнате, пока он не спустился на лестницу. Когда он поравнялся с лестничной площадкой, вы толкнули его в спину. А после побежали вниз, стерли следы сомнений на поручнях, сорвали лоскут одежды, за который зацепились, и вернулись в свою комнату, сделав вид, будто ничего не произошло.

Дворецкий опустил голову на свои руки. Он долго смотрел на них. А затем медленно опустился на колени.

В тот же вечер дворецкого увезли. Миссис Грей стояла у входа в мансарду Франсис и провожала взглядом худую высокую фигуру, скрывшуюся в конце коридора. Обернувшись, она посмотрела на Франсис.

— Откуда вы узнали, что эти узоры принадлежат именно ему?

Франсис не ответила. Она просто подошла к столу, вынула из ящика те два листа и положила их рядом. Синие узоры по-прежнему отчетливо выделялись на бумаге, ничуть не поблекнув.

— У каждого человека они свои, — произнесла она. — Двух одинаковых рук не существует.

Миссис Грей не до конца поняла ее слов. Но, глядя на спокойное лицо Франсис, она вдруг отчетливо осознала, что в этом мире есть вещи, постичь которые ей не дано до конца ее дней. Впрочем, в этом и не было нужды. Ей достаточно было знать одно: эта неприметная девушка перед ней с помощью неведомого ей искусства отыскала правду.

— Спасибо вам, — тихо промолвила она.

Франсис кивнула.

Дверь закрылась. В мансарде она снова осталась одна. Чай в чашке остыл, небо за окном почернело, а свеча догорела почти наполовину. Сидя у окна, она взяла оба листка и еще раз взгляделась в них. Синие узоры все еще ждали ее на бумаге: дворецкого, кухарки, горничной, миссис Грей. Каждая рука, каждый человек, каждая неповторимая история.

Аккуратно сложив бумагу, она убрала ее в ящик стола. Затем взяла перо и вывела на другом листе строчку:

Ноябрь 1817 года, Лондон, первое дело.

За окном зашумел дождь.

Мэри отложила перо и испустила долгий, глубокий вздох.

Она понятия не имела, сколько времени провела за письмом. На улице совсем стемнело, от свечи остался лишь крошечный огарок, а весь стол был усыпан застывшими каплями воска. Руки онемели и не поднимались, но в груди отчаянно и радостно билось что-то живое.

Франсис Востоун.

Женщина, которую все недооценивали и не понимали, живущая на мансарде, но способная разглядеть то, чего не замечали другие.

Она оживила ее на бумаге.

Не Шерлок Холмс. И не Ватсон. Ее собственная героиня.

Она опустила взгляд на исписанные листы, на плотные ряды строк, на женщину по имени Франсис, которая со страниц рукописи поднималась, входила в эту мансарду и говорила миссис Грей: у каждого человека всё по-своему.

Ей вдруг захотелось заплакать.

И вовсе не от грусти. Просто... она наконец-то поняла, чем занимается.

Где-то за окном запел соловей.

Мэри бережно сложила исписанные листы и положила их рядом с подушкой.

Завтра она продолжит писать.

И послезавтра тоже будет писать.

Она заставит Франсис Востоун расследовать одно дело за другим, заставит тех, кто смотрел на нее свысока, раз за разом утирать нос, а эти узоры — говорить снова и снова.

Она напишет эти истории для эпохи, которая еще не знает, что такое отпечатки пальцев.

Для тех, кто, подобно ей самой, заперт в каком-нибудь темном углу и не знает, как поступить.

Напишет для Уоллстонкрафт.

Напишет для мисс Уилсон.

Напишет для себя.

В ту ночь ей приснился сон.

Во сне какая-то женщина в стареньком платье стояла у окна мансарды. Обернувшись, она посмотрела на Мэри, а ее губы тронула легкая улыбка.

Эта улыбка была точь-в-точь как у мисс Уилсон.

— Ты отлично пишешь, — произнесла она.

Мэри хотела спросить, кто она. Франсис? Или Уоллстонкрафт?

Но на этом сон оборвался, и она проснулась.

В окно заглядывали лучи утреннего солнца.

Следующим утром Мэри проснулась раньше обычного.

Небо за окном едва серело, серо-голубой свет пробивался сквозь щели в занавесках. Лежа на кровати и глядя на полог над головой, она чувствовала, как сердце бьется чаще обычного.

Стопка рукописей все так же лежала у изголовья.

Перед сном она пересчитала листы — сорок пять страниц. Первое дело Франсис Востон, «Отпечатки на мансарде», было полностью завершено, от самого преступления до его раскрытия, от дождливой ночи до признания дворецкого на коленях.

Но написать — это одно, а показать кому-то — совсем другое.

Она перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку.

Кому же ее показать?

Джейн? Джейн непременно станет ее хвалить, что бы она ни написала. Элизабет? Элизабет скажет правду, но ей всего десять лет, она толком не разбирается в хороших детективных романах. Матушка? И думать нечего. Если миссис Беннет увидит сорок пять исписанных страниц «бесполезной макулатуры», она вновь примется пилить ее: Твое лицо и так не сулит ничего хорошего, а если ты еще и мозги не станешь занимать делом, как ты вообще собираешься жить дальше?

Остается лишь один человек.

Отец.

Мэри приподнялась на кровати, крепко прижимая к груди стопку рукописей и переворачивая ее туда-сюда.

Что скажет отец?

Он прочел столько книг! Все те фолианты из его кабинета — по философии, истории, юриспруденции, поэзии — он одолел от корки до корки. Не покажется ли ему ее творение слишком ребяческим? Слишком нелепым? Непохожим на то, что подобает писать девятилетней девочке?

Но ведь мисс Уилсон говорила, что она «неслучайный ребенок».

Быть может, отец поймет.

А может, и нет.

Прижав к себе рукопись, она долго сидела неподвижно.

Лишь когда солнце окончательно залило светом улицу и из гостиной донесся зычный голос миссис Беннет, приказывавшей слугам готовить завтрак, она наконец решилась.

Была не была.

Худшее, что может случиться — отец скажет: написано плохо, брось это занятие.

Но по крайней мере, она будет знать наверняка.

Спускаясь вниз, Мэри застала мистера Беннета в его кабинете.

Это была его привычка — перед завтраком посидеть с полчаса в уединении, выпить чашку чая, полистать книгу, укрывшись от неумолкаемого языка миссис Беннет. Мэри остановилась у приоткрытой двери кабинета и заглянула внутрь.

Он сидел за письменным столом с книгой в руках, рядом дымилась чашка чая. Лучи утреннего солнца падали на него и на страницы раскрытой книги.

Мэри тихонько постучала в косяк.

Мистер Беннет поднял глаза:

— Войди.

Девочка шагнула внутрь и остановилась перед столом, прижав стопку листов к груди так сильно, что пальцы побелели.

— Отец.

— Мм?

— Я... я тут написала кое-что. Хотела попросить вас взглянуть.

Мистер Беннет бросил быстрый взгляд на нее, а затем на рукопись. Отложив книгу, он протянул руку.

Мэри передала ему исписанные листы.

Он принял их и сначала взглянул на обложку — обложки не было, наверху первой страницы чернело лишь название: «Записки о сыске Франсис Востоун. Том первый. Отпечатки на мансарде».

Он приподнял брови.

— Франсис Востоун?

— Да.

— Сама сочинила?

— Да.

Мистер Беннет больше ничего не сказал. Перевернув первую страницу, он принялся читать.

Мэри стояла перед столом, не сводя глаз с его лица.

На первой странице выражение его лица оставалось бесстрастным.

На второй брови чуть заметно шевельнулись.

На третьей он стал перелистывать страницы немного медленнее.

На четвертой — отодвинул чашку чая подальше и подвинул рукопись ближе к себе.

Пятая, шестая, седьмая...

У Мэри уже начали ныть от усталости ноги, но отец так и не поднял головы.

— Отец, — осторожно произвела она, — пожалуй, я пойду позавтракаю?

Мистер Беннет рассеянно промычал в ответ, даже не отрываясь от чтения.

Поколебавшись секунду, Мэри тихонько вышла из комнаты.

За завтраком миссис Беннет привычно предавалась жалобам.

— Сегодняшний бекон пережарен донельзя, эта кухарка совсем от рук отбилась. Китти, перестань макать хлеб в молоко, сколько можно повторять! Лидия, сядь прямо, что за манеры. Джейн, у тебя сегодня бледный вид, неужели ты снова полночи просидела над книгами? Элизабет, убери наконец свою книгу, вредно читать во время еды, испортишь зрение...

Мэри сидела с опущенной головой, ковыряясь в тарелке, и не слышала ни единого слова.

Она думала лишь о том, на какой странице сейчас отец.

Текст насчитывал сорок пять страниц. Судя по его темпу, он должен был уже дойти до появления дворцового? Или они уже добрались до момента с отпечатками пальцев?

— Мэри, — голос миссис Беннет вернул ее в реальность. — Почему ты сегодня молчишь?

— Ничего, матушка.

— Вечно ты ходишь хмурая, себе на уме, и пойми тебя попробуй, — миссис Беннет покачала головой. — Вид у тебя тоже болезненный, ступай после завтрака прогуляйся, подыши свежим воздухом. Хватит забивать себе голову всякой ерундой и сидеть сычом в четырех стенах, и без того ведь...

Она не договорила, но Мэри прекрасно знала окончание фразы.

И без того лицом не вышла, а если еще и здоровье подорвешь, замуж тебя потом точно никто не возьмет.

Мэри промолчала.

Она молча продолжила ковыряться в еде.

Окончив завтрак, она немного посидела в гостиной, а затем вышла побродить по саду.

Светили яркие лучи солнца, но тепла они не приносили. Ноябрьский ветер уже пощипывал лицо своей прохладой. Стоя посреди сада, Мэри то и дело поглядывала на окна отцовского кабинета.

Он всё еще читает?

Или уже дочитал и швырнул ее опус в дальний угол?

Возвращаться она не решалась.

Кружила по аллеям до тех пор, пока ее не нашла Джейн.

— Мэри, что ты здесь стоишь? Разве тебе не холодно?

— Нет.

Джейн с беспокойством вгляделась в ее лицо.

— То, что ты дала почитать отцу... что это?

Мэри на мгновение замерла.

— История, — ответила она.

— Какая история?

— Про... про женщину, которая расследует преступления.

Джейн удивилась, но потом мягко улыбнулась, не став расспрашивать дальше, и просто взяла Мэри за руку.

— Пойдем в дом. У тебя совсем ледяные руки.

К обеду мистер Беннет так и не вышел.

Миссис Беннет дважды посылала за ним служанку, но всякий раз приносила один и тот же ответ: «Сударь говорит, что не голоден».

— Не голоден? — глаза миссис Беннет округлились. — Он ведь почти ничего не ел с утра, и до сих пор не голоден? Чем он там занимается в этом кабинете?

Служанка испуганно опустила глаза:

— Барин... читает.

— Читает? — голос миссис Беннет взлетел на октаву выше. — Что за книга может быть важнее обеда? Ступай и скажи ему, что если он немедленно не явится к столу, я приду за ним сама!

Служанка испарилась.

Вскоре мистер Беннет действительно появился на пороге столовой.

Мэри тут же подняла на него глаза.

Лицо у него было странным — не сердитым и не радостным, а каким-то... неуловимым для понимания. Рукописи при нем не было, судя по всему, он оставил ее на столе в кабинете.

Усевшись на свое место, он взял столовые приборы и принялся за еду.

Но ел рассеянно. Вилка тыкалась в тарелку наугад, один и тот же кусочек мяса он безуспешно пытался подцепить добрую минуту. Миссис Беннет обращалась к нему, а он лишь рассеянно мычал в ответ, явно не расслышав ни слова. Китти и Лидия о чем-то щебетали рядом, но он словно оглох ко всему окружающему миру.

Мэри неотрывно следила за ним.

Сделав пару укусов, он вдруг резко бросил приборы и встал из-за стола.

— Я сыт.

И вышел.

Миссис Беннет так и замерла с вилкой, занесенной над тарелкой.

— Что это с ним?..

Никто ей не ответил.

Мэри опустила голову и продолжила есть.

Сердце колотилось где-то в горле.

Весь остаток дня Мэри провела в гостиной.

Взяв одолженный у Джейн сборник стихов, она делала вид, что увлечена чтением, хотя не воспринимала ни единого слова. Все ее мысли были сосредоточены на звуках, доносившихся со стороны кабинета.

Иногда оттуда долетал шорох переворачиваемых страниц. Иногда царила абсолютная тишина.

Проходя мимо, Элизабет бросила на нее быстрый взгляд, но ничего не спросила и прошла дальше.

Джейн тоже посмотрела на сестру, но сохранила молчание.

Солнце неуклонно клонилось к закату.

Дневной свет за окнами сменился золотистым, затем перешел в оранжевый, а после окрасился в серо-голубые тона. Слуги зажгли свечи, и по коридорам зашагали спешные шаги.

Мэри все сидела на том же месте.

Открытая на какой-то странице книга стихов лежала на коленях, не сдвинувшись ни на строчку.

И вдруг дверь кабинета отворилась.

Мэри вскинула голову.

Мистер Беннет стоял на пороге.

Он стоял молча, глядя прямо на нее.

Глаза его покраснели.

И дело было вовсе не в слезах — это была краснота от долгодневного чтения и удушливого дыма оплывших свечей. Вокруг глаз пролегли темные круги, белки покрылись сетью сосудов, выдавая человека, который явно не спал несколько ночей подряд.

Но когда он смотрел на нее... этот взгляд...

Мэри никогда прежде не видела у отца такого выражения глаз.

Он пересек комнату, подошел к ней и остановился в шаге.

— Мэри.

Она поднялась навстречу.

— Да?

Он молча разглядывал ее долгие несколько секунд.

А затем произнес:

— Написано... потрясающе.

Голос его звучал хрипло, будто он очень долго говорил или молчал месяцами.

— Я дочитал, — промолвил он. — Залпом. С самого утра и до этого часа. Сорок пять страниц. За один день я прочел их трижды.

Мэри приоткрыла рот, совершенно не зная, что ответить.

— Франсис Востон, — он словно смаковал это имя, перекатывая его на языке. — Эта женщина-сыщик, живущая на мансарде, которую все презирают и не понимают, но которая видит то, чего не замечают остальные... откуда тебе пришло это в голову?

Мэри хранила молчание.

Что ей было сказать? Что имя родилось из фамилии Уоллстонкрафт? Что сюжет вырос из кляксы чернил и случайного отпечатка пальца на бумаге?

Мистер Беннет и не ждал от нее ответа.

Продолжая говорить, он словно рассуждал сам с собой:

— Этот отпечаток. Тот след на подоконнике. Узоры, которые есть лишь у одного человека на свете... как тебе вообще пришла в голову подобная мысль?

Мэри помедлила.

— Я... в тот день чернила капнули мне на руку, и я случайно прижала ладонь к бумаге, оставив след, — тихо проговорила она. — А потом подумала: если у каждого человека рисунок линий уникален, нельзя ли... использовать это для поимки преступника?

Мистер Беннет смотрел на нее очень долго.

А потом вдруг улыбнулся.

Это была не насмешливая улыбка и не горькая усмешка разочарования. Совсем другая — улыбка человека, неожиданно отыскавшего сокровище или узревшего нечто невероятное.

— Ты знаешь, — вымолвил он, — среди всех книг в моем кабинете, среди томов по юриспруденции и судебному делу нет ни единой, где упоминалось бы об этом.

<http://bllate.org/book/22034/2290817>